

ФОРМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В КАМЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОРЯКСКОГО ЯЗЫКА (в сопоставлении с языками чукотско-корякской семьи)¹

Задачей данной статьи является исследование функционирования форм индикатива в одном из нымыланских диалектов корякского языка – каменском в сопоставлении с чавчувенским диалектом корякского языка, алюторским и чукотским языками. Особое внимание будет уделено проверке наличия глагольных форм со значением настоящего времени и особенностям их употребления, поскольку эти формы являются грамматически тестовыми при определении принадлежности диалекта к одному из языков чукотско-корякской семьи, каждый из которых характеризуется особой системой презенсных форм.

1. Коряки: этнические и языковые группы

Этноним *коряки* объединяет две культурно-хозяйственные группы коряков: группу чавчувенов – тундровых кочевников-оленоводов (от самоназвания *чав'чэв* ‘оленовод’) и группу нымыланов – береговых (полу-)оседлых коряков (от самоназвания *намə=лэ=эн* ‘житель поселка’, *нам=нам* ‘поселок’).

Коряки-чавчувены, несмотря на большую территорию их расселения и наличие условных ареальных подгрупп (тайгоносские чавчувены, камчатские чавчувены, чавчувены бассейна р. Пенжины, чавчувены бассейнов рек, впадающих в Охотское море [История и культура коряков 1993: 8]), всегда составляли хозяйственно-культурное и языковое единство [Вдовин 1973: 215].

Группа коряков-нымыланов, напротив, никогда не была этнически однородной, а распадалась на несколько локальных подгрупп (итканцы, паренцы, каменцы, апукинцы, алюторцы, карагинцы, паланцы), значительно различавшихся как по особенностям материальной культуры, так и по языку [Стебницкий 1937: 289–290; Стебницкий 2000: 33–40]. К настоящему времени подгруппы итканцев и паренцев полностью ассимилированы, под угрозой исчезновения находятся карагинцы.

До конца 1950-х гг. все диалекты коряков рассматривались в рамках корякского (нымыланского) языка [Bogoras-Tan 1917; Стебницкий 1934; 1938], и эта точка зрения сохранилась в некоторых исследованиях до сих пор [Жукова 1997: 52–53]. Однако в большинстве лингвистических ра-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке исследовательского гранта РГНФ №05-04-04321а «Фольклор коряков».

бот к корякскому языку относится чавчувенский диалект и несколько нымыланских диалектов (итканский, паренский, каменский, апукинский). Остальные нымыланские диалекты (собственно алоторский, паланский и карагинский), обладающие специфическими фонетическими и мофологическими особенностями, условно объединяются под наименованием алоторского языка, хотя его носители по-русски называют себя коряками.

Таким образом, между этническими и языковыми группами коряков нет полного соответствия, и часть нымыланских диалектов, в том числе и каменский, относится к корякскому языку.

Каменцами (самоназвание *вайкынэлььо* 'жители Каменского', от *Вайкын* 'Каменское') исконно считались жители поселков, расположенных вдоль р. Пенжины и других рек, впадающих в Пенжинскую губу справа и слева от устья р. Пенжины [Вдовин 1973: 163]. Еще в начале XX века на побережье Пенжинской губы и в материковой части северной Камчатки было несколько поселков, в которых проживали каменцы: Микино, Шестаково, Ягача, Леваты, Ярночек, Каменское, Таловка, Мамеч [Вдовин 1973: 142]. В настоящее время из этих населенных пунктов сохранились только Каменское, находящееся недалеко от устья р. Пенжины, и Таловка, удаленное от побережья село в материковой части на севере Камчатки. Мелкие населенные пункты в период «укрупнения», в 1950-е – 1970-е гг., были закрыты, а их жители переселены в более крупные поселки, в частности в Каменское, новый поселок Манилы, расположенный в северо-восточной части побережья Пенжинской губы, в непосредственной близости от Каменского, и в село Парень, находящееся в северо-западной части побережья Пенжинской губы, где была исконная территория носителей паренского диалекта корякского языка.

2. Материал исследования

Исследование функционирования форм индикатива в каменском диалекте корякского языка в сопоставлении с алоторским и корякским языками проводилось на коллекциях текстов сопоставимого объема на собственном алоторском диалекте алоторского языка и чавчувенском диалекте корякского языка.

При исследовании семантики форм индикатива дополнительно использовались отдельные примеры из других опубликованных источников на корякском и чукотском языках, а по алоторскому языку – из экспедиционных материалов автора.

2.1. Корпус текстов на каменском диалекте

Наиболее ранние записи текстов на каменском диалекте корякского языка были сделаны В. Г. Богоразом в начале XX века, во время Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции 1900-1901 гг., и опубликованы в 1917 г. [Bogoras-Tan 1917]. Большая часть этой коллекции текстов была записана на каменском диалекте в поселке Каменское (22 текста из 24). Кроме того, в коллекции В. Г. Богоразы имеется по два небольших текста на паренском диалекте, ареал распространения которого непосредственно контактировал с ареалом каменцев, и на паланском и карагинском диалектах алоторского языка.

Четыре текста на каменском диалекте, записанные А. Н. Жуковой в середине XX века, опубликованы в сборнике «Материалы и исследования по корякскому языку» [Жукова 1988, тексты 29–32]. Два из этих четырех текстов были записаны в поселке Манилы и два – в селе Таловка. Мы привлекаем к анализу только тексты 29 и 30, записанные в Манилах, так как тексты, зафиксированные в Таловке, демонстрируют значительную специфику как в области фонетики, так и в области морфологии и, по всей вероятности, относятся к другому говору.

И последняя по времени запись каменского диалекта – изданный в Японии современный пересказ сказки на говоре села Микино [Ныйицтыкин цилцын 2003]. Это село находилось в северной части побережья Пенжинской губы, на одинаковом удалении от пос. Каменское и от с. Парень. Во время укрупнения поселков так же, как и многие другие «бесперспективные» села, с. Микино было закрыто, а его жители переехали в с. Парень. В настоящее время потомки коренных жителей с. Микино пытаются восстановить его в виде родовой общины.

Имеющиеся публикации на каменском диалекте интересны тем, что они отражают три временных среза с интервалами в полвека, что позволяет проследить динамику развития как системы форм индикатива в целом, так и форм со значением настоящего времени в частности.

Полная количественная характеристика корпуса текстов на каменском диалекте дана в таблице 1.

Таблица 1
Количественная характеристика корпуса текстов на каменском диалекте корякского языка

Источники	Количественная характеристика		
	текстов	предложений	форм индикатива
Bogoras-Tan 1917: 12-101	22	ок. 1090	1336
Жукова 1988: 101-115	2	303	329
Ныйицтыкин цилцын 2003: 1-12	1	ок. 169	137

К сожалению, тексты на каменском диалекте однородны в жанровом отношении: все они относятся к фольклорным, представляют собой записи мифологических сказок, значительно отличающихся по употреблению индикативных форм. Поэтому полностью адекватным можно считать только сопоставление каменского диалекта с алюторским и корякским языками в рамках анализа фольклорных текстов. Сопоставление текстов на каменском диалекте с корпусами текстов на алюторском и корякском языках в целом не является абсолютно корректным.

2.2. Корпусы текстов на алюторском и корякском языках

Статистическое исследование форм индикатива в алюторском и корякском языках проводилось на двух коллекциях разножанровых текстов.

Подсчеты по алюторскому языку проведены на корпусе текстов, опубликованных в [Кибрик и др. 2000: 20-176]. В качестве источника по корякскому языку были использованы тексты на чавчувенском диалекте из [Жукова 1988: 8-100].

По жанровой принадлежности тексты на алюторском и корякском языках были разделены на фольклорные и нефольклорные.

К фольклорным текстам относятся мифологические сказки и предания о жизни далеких предков, богатырях и войнах.

Фольклорные тексты на алюторском языке, опубликованные в [Кибрик и др. 2000], были зафиксированы в разное время и от исполнителей, в разной степени владеющих родным языком. Тексты 1-14 записаны от восьми исполнителей в 1971-1972 гг. во время Камчатских лингвистических экспедиций МГУ под руководством А. Е. Кибрика, все они относятся к сказкам. Тексты 16, 19, 20-23, 30 – предания, записанные И. С. Вдовиным около 1950 г., рассматриваются в качестве образцовых текстов, демонстрирующих характерные особенности языка фольклора оседлых коряков, т.к. они зафиксированы в более ранний период времени от одного или двух исполнителей, хорошо владеющих родным языком.

Среди текстов на чавчувенском диалекте корякского языка, опубликованных в [Жукова 1988], к фольклорным относятся тексты 1, 4-7, 8, 11-18, 21, 22, 24, 25. Образцовыми фольклорными текстами в этом корпусе являются тексты, записанные от Т. Я. Кавава (1911 г.р., каюр, пос. Палана): тексты 5, 7, 11, 12, 16.

Нефольклорные тексты – это, преимущественно, рассказы о событиях недавнего прошлого, в частности о жизни самого исполнителя.

К нефольклорным текстам на чавчувенском диалекте корякского языка относятся тексты 2, 3, 9, 10, 19, 20, 23, 26-28 в [Жукова 1988].

Текст № 23 в исполнении Т.Я. Кавава рассматривается как образцовый нефольклорный текст на корякском языке, т.к. в нем в наиболее явной форме обнаруживается специфика нефольклорного повествования.

Нефольклорными текстами на алюторском языке из [Кибрик и др. 2000] являются тексты 29, 31-41. Текст № 29 в исполнении Н.И. Мулитки будет рассматриваться как образцовый нефольклорный текст.

Полную количественную характеристику корпусов текстов на алюторском и корякском языках см. в таблице 2.

Таблица 2

Количественная характеристика корпусов текстов на алюторском и корякском языках

Тексты и их параметры		Алюторский язык			Корякский язык		
		Кибрик и др 2000: 20-176			Жукова 1988: 8-100		
Источник		тек-стов	предло-жений	форм инди-катива	тек-стов	предло-жений	форм инди-катива
Количественная характеристика							
Весь корпус текстов		41	1468	2210	28	2302	2130
Фольк-лорные тексты	в целом	14	1126	1681	18	1506	1610
	образцовые	7	539	930	5	733	732
Нефольк-лорные тексты	в целом	12	225	309	10	797	594
	образцовые	1	59	70	1	236	190

3. Система форм индикатива в чукотско-корякских языках

Глагольные формы, функционирующие в чукотско-корякских языках в качестве независимого предиката, структурно неоднородны. Выделяются собственно финитные глагольные формы и так называемые предикативы.

Финитные формы обладают всеми грамматическими категориями, присущими глаголу в чукотско-корякских языках (лицо-число, наклонение-время, аспект), и используются только в предикативной функции. Предикативы, предположительно являющиеся более древними глагольными формами, не выражают никакой модальности [Володин 1997б: 20], не привязывают действие к моменту речи, а характеризуют его по внутренним (аспектуальным) параметрам [Недялков и др. 1984: 200-201]. Предикативы синтаксически полифункциональны: они совмещают предикативную и атрибутивную функции.

Вследствие различий в наборах грамматических категорий финитные формы и предикативы различаются по структуре словоформы и по системам лично-числовых показателей. Финитные формы имеют три пози-

ции для показателей лица и две позиции для показателей числа, которые заполняются по-разному, в зависимости от морфосинтаксического класса глагола (переходный или непереходный) и конкретных лично-числовых характеристик агенса и пациенса (см. об этом подробнее в [Кибрик и др. 2000: 209–220; Володин 2000]). Предикативы имеют одну согласовательную позицию, правила выбора референта, лично-числовые характеристики которого обозначаются в форме предикатива, различаются по языкам [см. ниже пункт 6.3]. Система лично-числовых показателей предикативов практически не отличается от личных показателей других именных классов слов в предикативной функции и непосредственно соотносится с личными местоимениями.

Система семантического словоизменения в чукотско-корякских языках базируется, в первую очередь, на модальных и аспектуальных корреляциях, временной дейксис соответствующих модально-аспектуальных форм вторичен [Недялков и др. 1984: 202; Кибрик и др. 2000: 232]. Именно по этой причине будущее время, во всех трёх языках восходящее к дезидеративу [Comrie 1985: 88–90], не всегда рассматривается в рамках индикатива, во многих исследованиях трактуется как разновидность нереальной модальности [Володин 1997: 18; Володин, Скорик 1997: 30; Kämpfe, Volodin 1995: 66], а именно потенциалис [Кибрик и др. 2000: 207].

В таблице 3 представлена система форм индикатива в чукотско-корякских языках. Наименования для отдельных форм заимствованы преимущественно из [Недялков 1979; Недялков и др., 1984; Nedjalkov 1993].

Таблица 3

Система форм индикатива в чукотско-корякских языках

Модально-временное значение	Аспектуальное значение	Финитные формы		Предикативы
		Префикс (наклонение-время)	Постфикс (аспект)	
Небудущее время (реалис)	перфектив	∅=	=∅	г(а)=
		<i>аорист</i>		<i>перфект</i>
	имперфектив	∅=	=ткән	н(ə)=
		<i>презенс</i>		<i>имперфект</i>
Будущее время (потенциалис)	перфектив	ку=	=н/ =∅	
		<i>презенс-имперфект</i>		
	имперфектив	ра=/га=/йа=	=н/ =∅	
		<i>(перфективный) футур</i>		
		ра=/га=/йа=	=ткән	
		<i>(имперфективный) футур</i>		

4. Семантика и функционирование форм со значением настоящего времени в чукотско-корякских языках

Чукотско-корякские языки располагают тремя формами с общим значением настоящего времени, которые объединяет возможность выражения действия, совпадающего с моментом речи:

1) презенс – финитная форма с постфиксом =ткән (ал.) / =ркән (чук.) / =йкән (кор., чавч., кам.) / =йкэ (кор., кам.); фонетический облик постфикса определяется стандартным для этих языков фонетическим соответствием (т / р / й);

2) презенс-имперфект – финитная форма с циркумфиксом к(у) = / к(о) = – =у (кор., чавч.; кер.) / к(у) = / к(о) = – =у (кор., кам.); вариативность огласовки инициали циркумфикса связана с гармонией гласных по признаку подъема;

3) имперфект – форма предикатива с префиксом н(ə) =.

Эти формы по-разному распределены по языкам чукотско-корякской семьи и имеют специфику в значении и употреблении в каждом из языков.

Таблица 4

Распределение презенсных форм по языкам чукотско-корякской семьи

Языки и диалекты	Формы со значением настоящего времени		
	=р/т/йкән (презенс)	ку=/ко= – =у (презенс-имперфект)	нə= (имперфект)
Чукотский	+		+
Алюторский	+		
Керекский		+	+
Чавчувенский диалект корякского языка		+	
Каменский диалект корякского языка	+	+	+

4.1. Презенс

Постфикс =ткән(н) / =ркән(н) / =йкән(н) рассматривался в работах по чукотско-корякским языкам и как временной показатель Настоящего I времени [Скорик 1977: 23; Жукова 1980: 87], Презенса [Мельчук 1973: 16–19; Муравьева 1986: 122], и как модальный показатель со значением проблематичности [Жукова 1972: 200], и как аспектуальный показатель неограниченности, неопределённости действия [Скорик 1977: 56], результиративного вида [Володин 1992: 99], прогрессива [Dunn 1999: 185],

имперфективного вида [Недялков и др. 1984: 201; Володин, Скорик, 1997: 30; Мальцева 1998: 23; Кибрик и др. 2000: 209].

Это связано с тем, что данный показатель функционирует в нескольких аспектуально-модальных формах, выражающих разные комбинации граммем, что и обуславливает варьирование его категориального аспектуального значения.

В сфере нашего внимания будет комбинация постфикса =ткә(н) / =ркә(н) / =йкә(н) с нулевым префиксом небудущего времени (в другой терминологии – нулевым префиксом реализа [Володин, Скорик 1997: 30] или индикатива [Кибрик и др. 2000: 207]) с общим значением презенса.

Данная форма представлена в алюторском и чукотском языках, а также в каменском диалекте корякского языка. По данным П. Я. Скорики, аналогичная форма существует (или существовала) также и в керекском языке [Скорик 1968: 321; Скорик 1979: 244], но в других источниках эта информация опровергается [Володин 1992: 99].

4.1.1. Значения форм презенса в алюторском языке

В алюторском языке форма презенса не связана с каким-либо отрезком или точкой на временной оси, имеет широкий спектр значений, определяемый аспектуальной семантикой незавершенности и модальной семантикой реализа. Как отмечается в [Кибрик и др. 2000: 232], имперфектив в алюторском языке «нейтрален к временной оси», поэтому им могут выражаться ситуации, связанные с любым временным планом.

Чаще всего формой презенса обозначаются ситуации, происходящие в момент речи, постоянные или регулярные события, реже – длительные или повторяющиеся действия или состояния в прошлом. Отнесенность к плану будущего такая форма обозначает редко, и только ближайшее будущее, непосредственно следующее за моментом речи, так как реальность события, которое будет иметь место после момента речи, резко снижается.

Примеры²:

² Примеры из опубликованных текстов даются в орфографии источника с указанием языка, диалекта или говора, номера текста и номера предложения (для [Жукова 1988], [Кибрик и др. 2000]), номера страницы и строки (для [Vogoras-Tap 1917]) и номера страницы (для остальных изданий). Примеры на алюторском языке из экспедиционных материалов автора приводятся в фонематической транскрипции на кириллической основе, принятой в [Жукова 1988], с обозначением языка и говора. Условные обозначения грамматических значений, используемые в глоссах, см. в конце статьи.

а) событие, совпадающее с моментом речи или включающее момент речи (в данном случае возможна интерпретация и как регулярного события):

(1) ал., кич.

Дәннүв'ви пассаткәт титкәү. [Жукова 1988: 51, 29]

әнн=ув'ви пасса=ткә=т титкә=ң
рыба=ABS.pl портиться=IPFV=PL солнце=DAT
'Рыба портится на солнце.'

б) длительное действие в прошлом:

(2) ал., ан.

Нурақ қайуңууу валаткәлалаткәт татулак.

нурақ қай=уңууу валаткәла=ла=ткә=г татула=к
долго DIM=ребенок гнаться=PL=IPFV=DU лиса=LOC
'Дети долго гнались за лисой.'

в) повторяющееся действие в прошлом:

(3) ал.

...Ляңив'ви ңавъанылқылу нангынтаватыткынав'ви. [Килпалин 1993: 105]

лаңи=в'ви ңав'анә=лқәл=у
девушка=ABS.sg жсна=предназначенный=EQU
на=н=гәнтав=атә=ткә=на=в'ви
lowA=CAUS=бежать=CAUS=IPFV=3nsP=PL
'Девушек в жены угоняли.'

Значение повторяющегося или длительного действия в прошлом чаще выражается в комбинации с акциональным постфиксом дуратива-инхоатива (длительности-начинательности). Следующий пример особенно наглядно демонстрирует, что форма, не осложненная постфиксом дуратива-инхоатива, если она противопоставлена форме с таким показателем, однозначно прочитывается как настоящее время.

(4) ал., ан.

Гәттә тагәрницәткән тәттәд нәмадга қнут-зә әлләгән тагәрницәлқивәткән.

гәттә та=гәрни=ңә=ткән тәттәд нә=мад=за қнут-зә
ты.ABS.sg делать=зверь=делать=IPFV очень QUAL=хороший=ADV как будто
әлләгән та=гәрни=ңә=лқивә=ткән
отец=ABS.sg делать=зверь=делать=DUR=IPFV
'Ты охотишься очень хорошо, как и отец (твой) охотился.'

г) ближайшее будущее:

(5) ал., ан.

[*Малдүмэ ктауатав*], айавау қэтэткән.

айава=я қэтэ=ткән
далеко=DAT уйти=IPFV

‘[Потеплее оденься], далеко уходишь.’

4.1.2. Значения форм презенса в чукотском языке

В чукотском языке форма с постфиксом =ркән описывалась как Настоящее I (предельное) время [Скорик 1977: 22-25], презенс-прогрессив [Недялков и др. 1984: 201; Nedjalkov 1993: 4], имперфект [Kämpfe, Volodin 1995: 66].

В. П. Недялков интерпретирует данную видо-временную форму в чукотском языке как комбинацию трех граммем: небудущее время, имперфективный вид и обязательная связь с моментом речи [Nedjalkov 1993: 4]. За формой с постфиксом =ркән в чукотском языке закрепилось значение временного действия или состояния, имеющего место в поле зрения говорящего [Nedjalkov 1993: 14-20], поэтому данная форма чаще всего употребляется в диалогах, составляя 21% от всех форм индикатива, используемых в этой форме дискурса [Nedjalkov 1993: 6].

Значение формы на =ркән реализуется в нескольких конкретных вариантах:

а) действие, (полностью) совпадающее с моментом речи:

– единичное действие, совпадающее с моментом речи:

(6) чук.

...*К'утык тылвавыркын*. [Чукотские сказки: 96]

кут=эк тә=лвава=ркән
встать=INF 1sg S=не мочь=IPFV

‘Встать не могу.’

– обычное или повторяющееся действие, манифестация которого совпала с моментом речи:

(7) чук.

...*Чама чакэттэты гылёркын*. [Чукотские сказки: 15]

чама чакэтг=этә гало=ркән
все-таки сестра=DAT скучать=IPFV

‘Все-таки о сестре / о сестрах скучаешь.’

б) действие, включающее момент речи:

– действие, начавшееся до момента речи и продолжающееся в момент речи (или воспринимаемое как продолжающееся):

(8) чук.

Рак'эты тәнн'ыткуркын? [Рытхэу 1953: 73]

рақ=этә тәннәтку=ркән
что=DAT смеяться=IPFV

‘Над чем смеешься?’

– действие, непосредственно предшествовавшее моменту речи, не имеющее места в момент речи (экспрессивное употребление формы презенса, подчеркивающее коммуникативную значимость данного действия):

(9) чук.

...*Ытлән-ым нэтульэтыркын чит* [Богораз 2004: 7]

эдрон-эм нэ=тудзэта=ркә=н чит
итак lowA=украсть=IPFV=3sgP вначале

‘Итак, они украли его вначале.’

– действие, непосредственно следующее за моментом речи:

(10) чук.

Эт'ым, тынмыркынэгыт... [Беликов 1979: 41]

эт'эм тә=нмә=ркәнэ=гәт
видимо 1sgA=убить=IPFV=2sgP

‘Видимо, я убью тебя...’

Таким образом, в чукотском языке значение данной формы уже, чем в алоторском. Вытеснение формы на =ркән в чукотском языке из числа средств выражения длительных и повторяющихся действий в прошлом связано с тем, что это значение выражается формой предикатива с префиксом нә=, которая стала намного более употребительной, чем форма с постфиксом =ркән.

4.1.3. Значения форм презенса в каменском диалекте корякского языка

Наиболее частотной формой со значением настоящего времени в каменском диалекте, зафиксированном в начале XX в., была именно форма презенса.

Она употреблялась преимущественно в повествовательном виде дискурса и выражала большинство значений, характерных для формы пре-

зенса в аллоторском языке, кроме значений обычного или повторяющегося действия и ближайшего будущего.

Для каменского диалекта начала века в большей степени было характерно употребление акционального постфикса дуратива-инхоатива =*уво*, чем для чавчувенского диалекта в настоящее время.

У форм презенса без показателя дуратива-инхоатива наиболее частотным было значение совпадения действия с моментом речи:

(11) кор., кам.

Akiłəʔ t' kokaŋpałai'ke. [Bogoras-Tan 1917: 27, 5]

акил'ат кока=ипа=ла=йкэ
сейчас котел=вынимать=PL=IPFV

‘В данный момент вынимают из котла (еду).’

Для формы презенса с дополнительным показателем дуратива-инхоатива типичным было значение длительного действия, начавшегося в прошлом и продолжающегося в момент речи:

(12) кор., кам.

Me ŋqaiŋ ŋkita mitutvaŋvołai'kin? [Bogoras-Tan 1917: 17, 11]

мэңқайŋ нэки=та мэтэ=тва=уво=ла=йкэп
почему ночь=INSTR InsgS=находиться=DUR=PL=IPFV

‘Почему мы оказались в темноте?’

В текстах середины XX в., записанных в Манилах, формы презенса очень редки, они встречаются только в частотных, наиболее устойчивых формах, в частности в формах глагола (*m*)*ва*= ‘быть, находиться’. Это свидетельствует о том, что живые процессы словоизменения с этим показателем отсутствуют, имеются лишь застывшие формы, своеобразные грамматические штампы.

(13) кор., кам.

[To ŋanənak galalaŋ,] ənin əŋpis ŋanko vайкэн [Жукова 1988: 29, 140]

эн=ин э́пис ́ан=ко ва=йкэп
он=POSS.3sg отец тот=LOC находится=IPFV

‘[И туда явилась], ее отец там находится.’

(14) кор., кам.

Tataw'ə iw'təl valajk'ə [Жукова 1988: 30, 104]

тата=в'э ив'тэл ва=ла=йкэ
пада=PL внизунаходиться=PL=IPFV

‘Родители внизу находятся.’

Мальцева А. А. *Формы со значением настоящего времени...*

О значениях данной формы в каменском диалекте в настоящее время по одному тексту, опубликованному в 2003 г., судить трудно. Эта форма в нем встретилась всего несколько раз, преимущественно в диалогах, в значениях действия, совпадающего с моментом речи и регулярного действия:

(15) кор., кам.

Синна, сақгаллэ сиуальг'атикын? [Ныйиңтықин җилың 2003: 7]

синна сақ=галлэ сиуа=дг'ат=икэн
что что=птица лететь=НАВИТ=IPFV

‘Что это, что за птица летает?’

(16) кор., кам.

Митэ, микнак-аму акмитыкынин пыг'алалу? [Ныйиңтықин җилың 2003: 7]

митэ мик=нак аму акмит=икэ=нин пэг'а=лалл'у
ргс (жен. имя) кто=ERG наверное взять=IPFV=3sgA+3sgP сохнуть=икра=ABS.pl

‘Мити, кто же берет нашу сохнущую икру?’

4.2. Презенс-имперфект

Форма презенса-имперфекта с циркумфиксом $k/\kappa(y) = /k/\kappa(o) = - = \eta$ характерна для всех диалектов корякского и керекского языков.

Основная нагрузка по выражению временного значения в этой форме ложится на префиксальную часть, так как постфиксальная часть фактически представляет собой аспектуальный показатель завершенности, который обнаруживается также в формах будущего времени, а в настоящем времени представлен не во всех лично-числовых формах.

Для корякского языка данная форма описывалась как настоящее время [Жукова 1972: 230; Жукова 1997: 46], а для керекского – как настоящее-прошедшее время [Скорик 1968: 321; Скорик 1979: 244; Володин 1992: 99-100; Володин 1997: 57].

Форма настоящего-прошедшего времени в керекском языке, по данным П. Я. Скорика, выражала действие «безотносительно к моменту речи», поэтому трактовалась им как аорист [1968: 321]. Проверить это утверждение невозможно, так как на керекском языке нет опубликованных текстовых материалов.

4.2.1. Значения формы презенса-имперфекта в чавчувенском диалекте корякского языка

По наблюдениям А. Н. Жуковой, форма настоящего времени в чавчувенском диалекте корякского языка обозначает длительные, постоянные

или обычные действия, включающие момент речи [Жукова 1972: 230–231].

Опубликованные тексты на корякском языке показывают, что по набору значений данная форма сближается с алюторской формой презенса, однако количественное распределение этих значений в корякском языке другое: для алюторской формы презенса ведущим значением является совпадение действия с моментом речи, а для корякской формы презенса-имперфекта – значение длительного действия в прошлом:

(17) кор., чавч.

Айһон эмэһ гуйэмтэв'ил'гу кочаһуэчэллау. [Жукова 1988: 6, 1]

айһон эмэһ гуйэмтэв'ил'гу ко=чаһуэчэл=ла=һ
давно все человек=ABS.pl PRES=враждовать=PL=PFV
'Когда-то (все) люди враждовали.'

Семантика длительности особенно четко прослеживается в этой форме в контекстах, где противопоставляются точечное и длительное действия в прошлом. Точечное действие в прошлом при этом выражается немаркированной формой аориста.

(18) кор., чавч.

То гэмлэ мэтэвтгэлкэв'ла. Мэтколалаһу эһав'эт қонһэһу гэтгэлэв'эһата. [Жукова 1988: 23, 136–137]

то гэмлэ мэт=вэтгэ=лкэв'ла мэт=ко=ла=ла=һ
и опять InsgS=прямой=VRBLZ.INC=PL InsgS=PRES=двигаться=PL=PFV
эһав'эт қонһэһу гэтгэ=лв'эһата
вот всегда озеро=INTER=INSTR
'И опять мы пошли напрямик. Шли вот все время среди озер.'

Совпадение с моментом речи или актуальность действия в прошлом для момента речи выражается формой презенса-имперфектива в корякском языке только в прямой речи и диалогах:

(19) кор., чавч.

[V'ajok tɔvalotɔk evɔl'aj]: meki kogajmatɔj jolɔetɔj qɔtɔk [Кеккетын 1936: 5]

мэки ко=гаймат=эһ йолу=этэһ қэт=эк
кто.ABS.sg PRES=хотеть=PFV противоположная сторона=LAT уйти=INF
'Потом я услышал – говорят: «Кто хочет “на материк” ехать?»'

(20) кор., чавч.

Куйэһын' кыэнхэчэтын' эвийк? [Стебницкий 1938: 43]

Мальцева А. А. Формы со значением настоящего времени...

ку=йэқ=эһ кэ=г'энкэчээт=эһ эв'йи=к
PRES=что делать=PFV PRES=отказаться=PFV есть=INF
'Почему отказываешься есть?'

Контексты употребления корякской формы с циркумфиксом $k(y) = / k(o) = - = y$ в значении ближайшего будущего единичны:

(21) кор., чавч.

Евуйыто есги коҗуһытаһ! [Кеккетын 1936: 64]

эв'уҗто эсги к=ойв'э=җта=һ
pts (муж. имя) сейчас PRES=торговый поселок=идти за чем-л.=PFV
'Эвныто сейчас в поселок едет!'

Различие в распределении алюторской формы презенса и корякской формы презенса-имперфекта по значениям обуславливает разницу в их употреблении: и алюторская, и корякская формы используются преимущественно в повествованиях, однако доля алюторских форм презенса в диалогах выше, чем их доля в повествованиях (27 и 17 процентов), а доля корякских форм презенса-имперфекта примерно одинакова в обоих видах дискурса (см. таблицу 2).

4.2.2. Значения формы презенса-имперфекта в каменском диалекте корякского языка

Фонетический облик префиксальной части циркумфикса презенса-имперфекта в каменском диалекте отличается от остальных диалектов корякского языка и от керекского языка: вместо заднеязычного [k] используется увулярный [q].

Употребление формы с циркумфиксом $k(y) = - = y$ в текстах начала века ограничено диалогической формой дискурса.

Основным значением данной формы в текстах В. Г. Богораза является выражение состояния, физического или интеллектуального, появившегося в прошлом, но продолжающегося в момент речи или актуального для момента речи.

(22) кор., кам.

[Yini'aia 'wɔut ɡaɫa 'lin qas □ wuɡe'ŋqɪ ke'viŋvoŋ], kima'k quqi' tuŋ. [Bogoras-Tan 1917: 21, 7]

кэмак ку=кит=эһ
почти PRES=замерзнуть=PFV

'[Йинианавгут пошла ночевать под кедром], замерзла почти насмерть.'

(23) кор., кам.

Qa'yūin quyaakuičva'nñiŋ. [Bogoras-Tan 1917: 54, 2]

қайуун қу=йа=гак=уйичван=у=әң
 кажется PRES=DES=плохой=играть=DES=PFV
 'Кажется, ты собираешься поступить неправильно.'

С постфиксом дуратива-инхоатива форма презенса-имперфекта выражает значение длительного или повторяющегося действия, начавшегося в прошлом и продолжающегося в момент речи:

(24)
 Quuqun |a'qi qo'pri qai'ayua'nyoi. [кор., кам., Bogoras-Tan 1917: 76, 12]
 куйқанцаку қонпа қ=аңайа=уво=ң
 prs (муж. имя) всегда PRES=петь=DUR=PFV
 'Куйкыняку постоянно стал петь (т.е. шаманить).'

В текстах середины века эта форма выравнивается по образцу чавчуженского диалекта как в фонетическом отношении, так и по набору значений.

Отличие от чавчуженского диалекта в употреблении также незначительно. В каменском диалекте середины века форма презенса-имперфекта используется равномерно и в диалогах, и в повествовании, в то время как в чавчуженском диалекте эта форма употребляется преимущественно в повествовании.

Ср. пример из диалога в значении совпадения действия с моментом речи:

(25) кор., кам.
 Тэкуңав'гилиңэн увик [Жукова 1988: 29, 58]
 тэ=ку=ңав'=гили=ң=ән увик
 1sgA=PRES=женщина=искать=PFV=3sgP тело.ABS.sg
 'Ищу себе жену.'

В повествовании эта форма используется для выражения длительного действия в прошлом в противопоставленность точечному действию в прошлом, обозначаемому формой перфекта:

(26) кор., кам.
 [Култэт'гулинэв' знайтиньңа ләгулкәлу гайпәлэнав', мәйэв' <...> унмәк
 Амамқут ког'ақаткәң. [Жукова 1988: 29, 116]
 мәйэв' унмәк амамқут ко=г'ақа=ткә=ң
 потому что сильно prs (муж. имя) PRES=плохой=пахнуть=IPFV
 'Кожаными намордниками лица закрыли], потому что Амамқут очень плохо пахнет.'

Большое количество употреблений формы презенса-имперфекта сопровождается включением в форму показателя дуратива-инхоатива, обозначающего начальный предел длительного действия (в прошлом).

(27) кор., кам.
 Кав'йэңвоң, Йиниг'аңавәт йасейчәкойтәң койоңвоңнән з'уйамтав'ил
 лә'әт'улу [Жукова 1988: 30, 68]
 к=ав'йэ=ңво=ң йиниг'аңавәт йасей=чәко=йтәң
 PRES=есть=DUR=PFV prs (жен. имя) ?=IN=LAT
 ко=йо=ңво=ң=нән г'уйамтав'ил'ә=т'ул=у
 PRES=класть=DUR=PFV=3sgA+3P человек=кусок=ABS.pl
 'Стала есть Йинианавыт, за пазуху стала класть человечину.'

В тексте 2003 г. форма презенса-имперфектива встречается в диалогах наряду с формой презенса, но является более частотной, обозначает действие, начавшееся до момента речи, продолжающееся и в момент речи.

(28) кор., кам.
 Ыно-г'ат, тийкытыль куксавың! [Ныйиңтықин ңилэңын 2003: 3]
 әно-г'ат тийкә=пид ку=ксав=әң
 вот же солнце=DIM PRES=просыпаться=IPFV
 'Вот же, солнышко встает!'

4.3. Имперфект

Форма имперфекта представлена в чукотском, керекском языках и в каменском диалекте корякского языка. По происхождению она является отадъективной и строится по модели качественного прилагательного: включает префикс *н(ә)=* и особый набор лично-числовых постфиксов, показывающих согласование только с одним актантом.

4.3.1. Значения имперфекта в чукотском языке

Чтобы подчеркнуть особое место данной формы в глагольной парадигме, П. Я. Скорик назвал ее Настоящим II (непредельным) временем, в противопоставленность «настоящим финитным» формам Настоящего I (предельного) времени с субъектно-объектным согласованием [Скорик 1958: 31–33; Скорик 1968: 321; Скорик 1977: 63–68]. По грамматической семантике П. Я. Скорик трактует форму предикатива с префиксом *нә=* как настояще-прошедшее время [Скорик 1977: 63].

В. П. Недажков рассматривал данную аспектуально-временную форму как имперфект, что соответствует комбинации грамматических значений небудущего времени, отсутствия обязательной соотносительности с

моментом речи и аспектуального значения незавершенности [Nedjalkov 1993: 3-4].

В концепции А. П. Володина, который по синтаксическим и морфологическим параметрам выделяет особый функциональный класс словоформ – предикативы, эта форма трактуется как предикатив типа «быть» [Kämpfe, Volodin 1995: 47, 51; Володин 1997: 20–21; Володин, Скорик 1997: 32–36; Володин 2000: 113].

М. Данн называет такие формы в чукотском языке, по основному выражаемому ими значению, хабиутальными, относя их, наряду с перфектом, к формам стативного словоизменения [Dunn 1999: 191].

Специфика согласования форм имперфекта в чукотском языке состоит в том, что личный показатель в формах переходных глаголов «по умолчанию» выражает характеристики пациенса, а если в словоформу дополнительно включается один из показателей антипассива *инэ=* или *=тку*, то это показывает соотношенность показателя лица с агенсом. Данный механизм характерен для таких лично-числовых комбинаций, в которых лично-числовые характеристики агенса выше по иерархии активности, чем у пациенса, либо если пациенсом является говорящий, один или в группе других лиц.

(29) чук.

Гым Анатолийыно нъэйн'эвигым. [Рытхэу 1953: 72]

гым анатолійэ=но н=э́йну́в=игэм
я.ABS.sg prs=EQU IPF=звать=1sgP

‘Меня зовут Анатолием.’

(30) чук.

Нақам нэнавалэмэгым ивильыт... [Яттыргын 1987: 36]

нақам н=э́на=вадом=э́гэм ива=дэ=т
однако IPF=AP=слышать=1sgA говорить=PrP=PL

‘Однако я слышал говорящих...’

Если принять во внимание, что в чукотско-корякских языках вся лично-числовая парадигма финитного глагола строится на системе «коммуникативных компромиссов», связанных с местом участников ситуации в иерархии активности, то становится очевидным, что включенность данной не вполне финитной формы в согласовательные механизмы, характерные для финитных форм, делает ее полноправным членом видо-временной парадигмы. Об этом же свидетельствует частотность этой формы в чукотском языке: она гораздо более употребительна, чем форма презенса, встречается в равной степени в диалогах и в повествованиях [Nedjalkov 1993: 6].

Мальцева А. А. *Формы со значением настоящего времени...*

В диалогах форма имперфекта конкурирует с формой презенса в выражении значений действия, имеющего место в момент речи, и обычного или повторяющегося действия. Реже имперфектом в диалогах оформляется значение действия, предшествующего моменту речи.

В нарративном тексте имперфект, являясь второй, после аориста, по употребительности формой повествовательного типа дискурса, обозначает единичное, но чаще длительное, регулярное или постоянное действие в прошлом [Nedjalkov 1993: 21–23].

(31) чук.

Ытлэн-ым н'ан ынкы еп мъын'ээккэк'эю нытвэк'эн. [Рытхэу 1953: 53]

ытлэн-эм нан эн=кэ йп мэ=чээккэ=кэй=у нэ=тва=кэн
он.ABS.sg-же тот он=LOC еще ?=девочка=DIM=EQU IPF=быть=3sgS

‘Она тогда была еще девчонкой.’

4.3.2. Проблема наличия имперфекта в алоторском языке

В некоторых описаниях алоторского языка также выделяется Настоящее II время с префиксом *нэ=* [Скорик 1958: 31–33; Жукова 1968: 301; Жукова 1980: 94], которое, по мнению П.Я.Скорика, выражает «длительное, не ограниченное во времени действие».

И. А. Мельчук называл эти формы в алоторском языке стативами, отмечал, что они имеют значение постоянной готовности или склонности совершить действие и встречаются крайне редко, поэтому в его работе они не включены в состав словоизменительных форм алоторского глагола [1973: 10–11].

В [Кибрик и др. 2000: 220–221] статус формы с префиксом *нэ=*, образуемой от основы глаголы, трактуется неоднозначно: с одной стороны, она называется финитной формой с монопersonным согласованием, т.е. включается в парадигму глагола. С другой стороны, авторы оставляют за собой право одновременно относить данную форму к отглагольным прилагательным, которые, как и другие именные классы слов, могут выступать в предикативной функции, принимая личные показатели.

Согласовательный механизм этой формы в алоторском языке намного проще и существенно отличается от чукотского: она всегда согласуется с участником ситуации, выраженным формой абсолютива, т.е. для непереходного глагола – с субъектом, а для переходного глагола – с пациенсом, что также говорит о том, что в алоторском языке эта форма не включена в такой степени в глагольную парадигму, как в чукотском языке.

(32) ал., ан.

Днун нг'уннэ нэнуқин.

әнҗ=ин пг'уннә нә=ну=қин
 этот=REL.sg гриб.ABS.sg QUAL=съесть=3sgS
 'Этот гриб съедобный.'

4.3.3. Имперфект в каменском диалекте корякского языка

В текстах, записанных в 1900 г., форма имперфекта является наиболее малоупотребительной формой настоящего времени. Основным значением данной формы является обозначение длительного действия в прошлом.

(33) кор., кам.

A'naqin ku'la'kata nimeyeyutva'qen, mqalhai'aqen. [Bogoras-Tan 1917: 36, 10–37, 1]

анақун кулака=га нә=мэйэ=йәтва=қэн нә=қал'айа=қэн
 вот так кулак=INSTR IPF=слеза=вытирать=3sgS IPF=плакать=3sgS
 'Вот так кулаком слезы вытирал, плакал.'

Согласовательный механизм у этой формы в каменском диалекте такой же, как и в чукотском языке (ср. с алюторской формой того же глагола в примере 32).

(34) кор., кам.

Nawa'kak mml'a nini'qin. [Bogoras-Tan 1917: 76, 4]

ңав=акәк мәмл'а нә=ну=қин
 женщина=сын вошь=ERG IPF=съесть=3sgP
 'Дочку вши (почти) съедают.'

В текстах середины века сохраняется примерно такая же низкая частотность формы имперфекта. Используется она в значении, близком к чукотским формам этого типа, – постоянного или повторяющегося действия в прошлом или в настоящем:

(35) кор., кам.

V'acha әнэну нәүтоқэн, v'acha панинак нәйалқив'қин әнәкйак. [Жукова 1988: 29, 164]

v'acha әнэну нә=үто=қэн v'acha панина=к нә=йалқив'=қин
 иногда постоянно IPF=выйти=3sgS иногда прежний=LOC IPF=зайти=3sgS
 ән=әк=йа=к
 он=LOC=дом=LOC
 'То все время выходит, то снова входит в его дом.'

Это значение может подкрепляться использованием в таких формах аспектуального показателя дуратива-инхоатива =үәво:

(36) кор., кам.

Ңанко нәвтәһәвоқэн әнэн кәмицән Амамқут, [нымалқин]. [Жукова 1988: 29, 3]

ңан=ко нә=втаң=үәво=қэн әнэн кәмицән амамқут
 тот=LOC IPF=работать=DUR=3sgS один ребенок=ABS.sg pags (муж. имя)
 'Тогда работал один сын Амамкут, [хороший (сын)].'

Последняя запись каменского диалекта кардинально отличается от предыдущих значительным возрастом роли имперфекта не только относительно других форм со значением настоящего времени, но и среди всех форм индикатива (30% от всех форм индикатива). По частотности они уступают в этом тексте только перфекту (41%). Это может иметь два объяснения: либо говор села Микино исконно значительно отличался от говора поселков Каменское и Манилы, либо в последнее время этот ареал находится под сильным влиянием чукотского языка.

Употребляясь исключительно в повествовательной форме дискурса, в отличие от двух других форм, которые используются как в диалогах, так и в повествованиях, имперфект выступает в функции нарративного настоящего, обозначая длительные и повторяющиеся действия в прошлом и настоящем.

В тексте 2003 г. у формы имперфекта сохраняется согласовательный механизм, характерный для чукотского языка. В следующем примере включение показателя антипассива показывает кореферентность личного показателя глагольной формы с агенсом, а не с пациенсом:

(37) кор., кам.

Ңанэһынак нэнакмэһыүвоқэн пыг'алалуо. [Ңыйиңтықин ңилңын 2003: 1]

ңан=әнә=нак н=ән=акмэң=үәво=қэн пәг'а=лалү=о
 тот=REL.sg=ERG IPF=AP=брат=DUR=3sgA сохнуть=икра=ABS.pl
 'Тот (злой дух) (и) брал сохнущую икру.'

5. Употребление форм индикатива в чукотско-корякских языках

Для выявления специфики каменского диалекта в отношении системы форм индикатива было проведено статистическое исследование функционирования всех форм индикатива в этом диалекте в сравнении с чавчувенским диалектом корякского языка и алюторским языком в разных видах дискурса (диалог (Д), включая прямую речь, и повествование (П)), а также в разных повествовательных жанрах (фольклор и нефольклор).

Данные для сопоставления по чукотском языку³ заимствованы из [Ne-jalkov 1993: 6], где приведено процентное соотношение употреблений форм индикатива отдельно в диалогах и повествованиях, т.е. количество употреблений всех форм в каждом виде дискурса принимается за 100%, а цифры показывают долю каждой формы в этом виде дискурса. В таблице 5 в сопоставительных целях приводятся результаты таких подсчетов для чукотского, корякского и алюторского языков.

Для выявления соотношения в функционировании каждой формы по видам дискурса были проведены также подсчеты употреблений каждой формы в процентах от всех употреблений форм индикатива в обоих видах дискурса. В таблице 6 приводятся результаты таких подсчетов по алюторскому и корякскому языкам.

Таблица 5

Употребление форм индикатива в чукотско-корякских языках

Модально-аспектуальные формы индикатива			Языки					
			чукотский		корякский		алюторский	
			Виды дискурса					
			Д	П	Д	П	Д	П
			100%	100%	100%	100%	100%	100%
Со значением прошедшего времени	Аорист	Ø=	35	72	30	26	37	28
	Перфект	га=	6	9	8	45	5	55
Со значением настоящего времени	Имперфект	на=	19	19	–	–	–	–
	Презенс-имперфект	ку=	–	–	29	28	–	–
	Презенс	=р/й/ткән	21	0	–	–	27	17
Со значением будущего времени	Футур	р/й/та=	19	0	33	0	29	0

³ Судя по списку источников [Nedjalkov 1993: 88–89], данные по чукотскому языку получены на большом корпусе текстов, включающем как прозаические произведения чукотских писателей, так и записи фольклора.

Таблица 6.

Употребление форм индикатива в алюторском и корякском языках

Модально-аспектуальные формы индикатива			Языки			
			корякский		алюторский	
			Виды дискурса			
			Д	П	Д	П
			100%		100%	
Со значением прошедшего времени	Аорист	Ø=	5,5	21,5	7	22,5
	Перфект	га=	1,5	37	1,5	44,5
Со значением настоящего времени	Презенс-имперфект	ку=	5	23	–	
	Презенс	=р/й/ткән	–	–	5	14
Со значением будущего времени	Футур	р/й/та=	6	0,5	5,5	0

5.1. Употребление форм индикатива в разных видах дискурса

Функционирование форм индикатива в диалогах демонстрирует большую общность между языками. Можно констатировать, что в целом употребление индикативных форм для диалогов нехарактерно. Об этом свидетельствуют сравнительные данные алюторского и корякского языков (таблица 6). Наибольшее сходство между языками наблюдается в употреблении форм со значением прошедшего и будущего времени: во всех трех языках формы аориста значительно преобладают над формами перфекта, которые в диалогах вообще употребляются крайне редко; для формы футура, наоборот, типично употребление только в диалогах.

В формах со значением настоящего времени проявляется больше различий между языками. Это связано, прежде всего, с тем, что в корякском и в алюторском языках в поле настоящего времени имеется по одной форме, а в чукотском языке – две. Поэтому в целом презенсные формы в корякском и алюторском языках в диалогах функционируют более активно, чем каждая из форм в чукотском. Однако можно также констатировать, что чукотский футур в диалогах представлен значительно беднее, чем в корякском и алюторском языках. Вероятно, это объясняется более высокой частотностью выражения значения будущего времени формой презенса в чукотском языке, в то время как для алюторской и корякской презенсных форм это значение маргинально.

Различия между языками проявляются в большей степени в употреблении индикативных форм в повествовательном дискурсе. Чукотский язык противопоставлен корякскому и алюторскому языку по значительному превалированию в этом виде дискурса форм аориста над формами перфекта, которые по этой причине для чукотского языка

перфекта, которые по этой причине для чукотского языка получили наименования «нарративного прошедшего» и «ненарративного прошедшего» [Недялков и др. 1983: 210]. Данные таблицы 5 показывают, что аорист в чукотском языке является основной текстообразующей формой, второй по значимости формой является имперфект, роль перфекта очень невелика, а формы презенса и футура в повествованиях вообще не употребляются.

Данные таблицы 6 свидетельствуют о том, что при общем преобладании в повествовательном дискурсе как в алюторском, так и в корякском языках форм перфекта, в корякском языке появляется тенденция повышения роли форм презенса-имперфекта в повествованиях за счет снижения роли перфекта. Это связано с различием в структуре значений презенсных форм в корякском и алюторском языках: корякская форма презенса-имперфекта по основному значению длительного действия в прошлом ближе к чукотской форме имперфекта; в значении алюторской формы презенса превалирует выражение действия, включающего момент речи.

5.2. Функционирование форм индикатива в разных жанрах

В таблицах 7 и 8 обобщены результаты подсчетов употребления форм индикатива в текстах разных жанрах на алюторском и корякском языках. В каждой ячейке дается по два значения: первая цифра соответствует употреблению форм для текстов этого жанра в целом, вторая – только в образцовых текстах. В таблице 9 представлены сведения об употреблении индикативных форм в каменском диалекте.

Таблица 7

Употребление форм индикатива в текстах разных жанров на алюторском языке

Модально-аспектуальные формы индикатива			Жанр			
			Фольклор		Нефольклор	
			Виды дискурса			
Со значением прошедшего времени	Аорист	Ø=	Д	П	Д	П
	Перфект	га=	11 / 8	20 / 1	2 / -	47 / 37
Со значением настоящего времени	Презенс	=ткан	6 / 6	7 / 6	2 / 6	32 / 26
	Футур	та=	6 / 7	- / -	0,5 / 3	0,5 / -

Таблица 8

Употребление форм индикатива в текстах разных жанров на корякском языке

Модально-аспектуальные формы индикатива			Жанр			
			Фольклор		Нефольклор	
			Виды дискурса			
Со значением прошедшего времени	Аорист	Ø=	Д	П	Д	П
	Перфект	га=	5 / 6	22 / 26	8 / 1	20 / 48
Со значением настоящего времени	Презенс-имперфект	ку=	5 / 5	16 / 15	2 / 2	42 / 35
	Футур	йа=	6 / 6	0,5 / 4	7 / 2	1 / -

Таблица 9

Употребление форм индикатива в фольклорных текстах на каменском диалекте

Тексты	Прошедшее время		Настоящее время			Будущее время	
	Ø=	га=	=йкэн	ку=	на=	йа=	
Bogoras-Tan 1917	Д	6,5	0,25	4	1,5	0,5	8
	П	-	67,5	10,25	1,25	0,25	-
Жукова 1988	Д	6	4	1,25	4,5	-	6
	П	16	52,25	0,75	7,25	1,75	0,25
Ныйицтыкин ҕилҕын 2003	Д	2	0,75	3	8	-	3
	П	5	41	1,5	0,75	35	-

Результаты сравнительного статистического исследования текстов разных жанров на алюторском и двух диалектах корякского языках показывают существенные отличия языка фольклора от языка нефольклорных повествований.

Фольклорные тексты на корякском и алюторском языках отличаются, прежде всего, преобладающая роль перфекта как текстообразующей главной формы.

Тексты на каменском диалекте, записанные В. Г. Богоразом, демонстрируют, возможно, наиболее архаичную картину распределения форм прошедшего времени в дискурсе, а именно: закрепленность форм перфекта только за повествованием, а форм аориста – за диалогической формой дискурса. В текстах 50-х гг. и в современных текстах на каменском диалекте заметно постепенное сглаживание этого противопоставления.

Эта черта прослеживается в явной форме также и в образцовых фольклорных текстах на алюторском языке. В текстах на корякском языке и в алюторских фольклорных текстах в целом наблюдается лишь преобладание формы перфекта над формой аориста и нетипичность употребления формы перфекта в диалогах. Видна тенденция замещения перфектных форм формами аориста в повествованиях, что прямо соотносится с картиной в чукотском языке, где этот процесс, вероятно, начался раньше в связи с развитием литературной формы языка, и форма аориста стала основной нарративной формой со значением прошедшего времени.

В нефольклорных текстах основная текстообразующая роль принадлежит аористу, значительно повышается также роль презенсных форм, особенно в корякском языке.

Каменский диалект существенно отличается от алюторского языка и чавчувенского диалекта корякского языка наличием в поле настоящего времени не одной, а трех форм.

Тексты начала XX в. показывают, что каменский диалект по морфологическим характеристикам относился, скорее, к алюторской группе, нежели к корякской. Подавляющее большинство презенсных форм в текстах В. Г. Богораза строится с помощью показателя незавершенности, хотя его фонетический облик демонстрирует общность с корякским языком (=йкэн / =йкэ).

Тексты А. Н. Жуковой показывают, что к середине века каменский диалект испытал значительное влияние со стороны чавчувенского диалекта, так как подавляющее большинство презенсных форм в этих текстах – с циркумфиксом $ку = / ко = - =у$. Причем, если в текстах, записанных в с. Манилы [Жукова 1988: тексты 29, 30], имеется незначительное количество форм презенса и имперфекта, то в текстах из Таловки [Жукова 1988: тексты 31, 32] наблюдается полная унификация презенсных форм по корякскому типу.

Последняя по времени публикация на этом диалекте показывает перестройку системы по чукотскому образцу. В этом тексте значительно преобладают формы имперфекта с префиксом $нэ =$, которые используются исключительно в повествовательной форме дискурса. Остальные формы со значением настоящего времени представлены незначительно, причем заметен перенос функционирования формы презенса-имперфекта в диалогический вид дискурса.

Заключение

Анализ системы индикатива в каменском диалекте корякского языка в сопоставлении с другими языками и диалектами чукотско-корякской семьи показывает ее уникальность: она включает три формы со значени-

ем настоящего времени, в чукотском языке таких форм две, а в алюторском языке и чавчувенском диалекте – по одной.

Вероятно, исходная система каменского диалекта строилась по алюторскому образцу, с одной формой презенса. Две другие формы вошли в употребление в результате влияния, с одной стороны, чавчувенского диалекта корякского языка, с другой стороны – чукотского языка. Можно также предположить, что именно форма презенса, представленная в алюторском и чукотском языках, а также каменском диалекте корякского языка, является более ранней финитной формой со значением настоящего времени, чем форма презенса-имперфекта.

Имеющиеся тексты показывают существенную перестройку системы форм со значением настоящего времени в каменском диалекте в течение века: первоначальная близость к алюторскому языку в середине века сменилась сходством системы с корякским языком, а в начале этого века наблюдается существенный сдвиг системы форм каменского диалекта в сторону чукотского языка.

В первых по времени записи текстах на каменском диалекте сохранилось также первоначальное распределение индикативных форм по видам дискурса: форма перфекта была закреплена за повествовательным дискурсом, а форма аориста – за диалогической формой дискурса. Подобное функционирование системы индикатива демонстрируют образцовые фольклорные тексты на алюторском языке, что также свидетельствует о близости каменского диалекта к алюторскому языку.

Список использованной литературы

- Володин А. П. Императив в керекском языке // Типология императивных конструкций. СПб., 1992. С. 98–106.
- Володин А. П. Керекский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 53–60.
- Володин А. П. О «блуждающей морфеме» *INE/ENA* в чукотско-корякских языках (опыт диахронической интерпретации) // Вопр. языкознания. 2000. № 6. С. 110–129.
- Володин А. П. Чукотско-камчатские языки // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 12–22.
- Володин А. П., Скорик П. Я. Чукотский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1997. С. 23–39.
- Вдовин И. С. История изучения палеоазиатских языков. М.-Л., 1954.
- Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973.
- Жукова А. Н. Алюторский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968. С. 294–309.
- Жукова А. Н. Корякский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л.: Наука, 1968. С. 271–293.

- Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. Л., 1972. 322 с.
 Жукова А. Н. Язык паланских коряков. Л., 1980. 288 с.
 Жукова А. Н. Корякский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 39–53.
 Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб: Наука, 1997.
 История и культура коряков. СПб, 1993. 237 с.
 Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алюторцев. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 469 с.
 Мальцева А. А. Морфология глагола в алюторском языке. Новосибирск, 1998. 250 с.
 Мельчук И. А. Модель спряжения в алюторском языке. М., 1973. 136 с. Вып. 45. С. 1–74. Вып. 46. С. 75–136.
 Муравьева И. А. Морфология алюторского глагола // Языки народов Севера Сибири. Новосибирск, 1986. С. 129–143.
 Недялков И. В. Заметки о чукотских видо-временных формах // Лингвистические исследования. 1979. М., 1979. С. 158–164.
 Недялков В. П., Инэнликэй П. И., Недялков И. В., Рахтилин В. Г. Значение и употребление чукотских видо-временных форм // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 200–260.
 Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Ч. 2. Глагол, наречие, служебные слова. Л.: Наука, 1977. 376 с.
 Скорик П. Я. К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков // Вопросы языкознания. 1958. № 1. С. 21–35.
 Скорик П. Я. Керекский язык // Языки народов СССР. Л.: Наука, 1968. С. 310–333.
 Скорик П. Я. Чукотско-камчатские языки // Языки Азии и Африки. Т. 3. М., 1979. С. 230–264.
 Стебницкий С. Н. Алюторский диалект нымыланского (корякского) языка // Советский Север. Л., 1938. № 1. С. 65–102.
 Стебницкий С. Н. Нымыланский (корякский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. Языки и письменность палеоазиатских народов. М.-Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. С. 47–84.
 Стебницкий С. Н. Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка // Сборник памяти В. Г. Богоразы. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. С. 285–306.
 Стебницкий С. Н. Очерки этнографии коряков. СПб: Наука, 2000. 235 с.
 Comrie, B. Derivation, inflection, and semantic change in development of the chukchee verb paradigm // Historical semantics. Historical word-formation. Berlin, 1985. P. 85–95.

- Dunn, M. A grammar of Chukchi. Doctoral thesis (manuscript). Australian National University. 1999. 386 p.
 Kämpfe, H.-R., Volodin, A. P. Abriss der Tschuktschischen Grammatik auf der Basis der Schriftsprache. Wiesbaden: Harassowitz Verlag, 1995. 146 p.
 Nedjalkov, V. Tense-Aspect-Mood Forms in Chukchi // EURO-TYP Working Papers. Series 6. № 4. 1993. 99 p.

Условные обозначения языков, диалектов и говоров

ал.	алюторский язык
кор.	корякский язык
чук.	чукотский язык
ан.	анапкинский говор алюторского языка
кам.	каменский диалект корякского языка
кич.	кичигинский говор алюторского языка

Условные обозначения грамматических значений в глоссах

1	первое лицо
2	второе лицо
3	третье лицо
A	агенса
ABS	абсолютный падеж
ADV	наречие
CAUS	каузатив
DAT	дательный падеж
DES	дезидератив (желательная модальность)
DIM	дими́нүтив
DU, du	двойственное число
DUR	дуратив-инхоатив (акционсарт)
EQU	экуватив, назначительный падеж
ERG	эргатив, эргативный падеж
IN	локализация 'внутри'
INC	инцентив (акционсарт)
INF	инфинитив
INSTR	инструменталис, инструментальный падеж
INTER	локализация 'между'
IPF	имперфект
IPFV	имперфектив (аспект)
HABIT	абитуалис (акционсарт)
LAT	латив, направительный падеж
LOC	локатив, местный падеж

LowA	агенса, находящийся на нижней ступени иерархии активности
NMLZ	номинализатор
NSG, nsg	неединственное число
P	пациенс
PrP	причастие настоящего времени
PFV	перфектив (аспект)
PL, pl	множественное число
POSS	посессивное прилагательное, местоимение
PRES	презент-имперфект
prs	собственное имя
QUAL	качественный предикатив, качественное наречие
REL	относительное прилагательное
S	субъект
SG, sg	единственное число
VBLZ	вербализатор

Условные сокращения текстовых источников

Bogoras-Tan 1917	<i>Bogoras-Tan, W. Koryak texts // Publications of the American Ethnological Society. Vol. 5. Leyden, 1917.</i>
Беликов 1979	Беликов Л.В. Лымн'ылтэ: Чукотские народные сказки и предания. Магадан, 1979.
Богораз 2004	Чукотские Мифы и Фольклорные Тексты собранные В.Г. Богоразом (The Chukchi Myths and Folklore Texts collected by Vladimir Bogoraz. Retranscribed, checked and translated into French by Charles Weinstein). Kyoto, 2004.
Жукова 1988	Жукова А. Н. Материалы и исследования по корякскому языку. Л., 1988.
Килпалин 1993	Килпалин К. В. Аня. Сказки Севера. Петропавловск-Камчатский, 1993.
Кеккетын 1936	Кеккетын Кецай. Эвныто батрак. Рассказ на корякском языке. Л., 1936.
Ныйиуьтықин ңилңын 2003	Ныйиуьтықин ңилңын. Волшебная веревка (корякская сказка). Kyoto, 2003.
Рытхэу 1953	Рытгэв. Пын'ылтэлтэ (Рассказы). М.-Л., 1953.
Стебницкий 1938	Нымыланские (корякские) сказки. Собрал С.Н. Стебницкий. Л., 1938.
Чукотские сказки	Кто самый сильный на земле. Чукотские сказки. Магадан, 1975.
Ятгыргын 1987	Ятгыргын. А'ачек гавантолен а'қавагыргэпы (Судьба мужчину не балует). Магадан, 1987.